

ИМЯ НА АФИШЕ:

Константин
ГРИГОРЬЕВ

Глава первая...

На сцене театра имени В. Ф. Комиссаржевской шел спектакль «Если бы небо было зеркалом...» в постановке Р. Агамирзяна, и актер Константин Григорьев играл в нем Бежана.

Кто этот Бежан? В народе таких, как он, называют «блаженными». Константин Григорьев увидел в роли возможность выразить высокие нравственные качества, поэзию и душевную красоту человека.

Как он к этому приходит? Как объяснить, почему бедный, «неполноценный» Бежан так привлекает к себе своих односельчан, и почему прочно завладевает вниманием зрителей? Бежан у Григорьева — сплав простоты и мудрости, непонимания и прозрения, отрешенности от обычных людей — и полностью, настоящего слияния с

ними, и стремления к ним. Бежану не доверяют работу, но, как ни странно, доверяют многое трудное, деликатное и даже, как покажет финал пьесы, подвижничское. Таких дел было немало в то лето — лето тысяча девятьсот сорок второго года. Григорьев не боится соединить, видимо, в целостный характер вроде бы даже противоположные человеческие черты. Как ребенок, он радуется, что «нашел» на плантации раненого русского воина, хвастается: «Это мой русский, я его нашел!». Но русский должен погибнуть, и Бежан принимает удар кинжала на себя.

До сих пор помню тишину, буквально ударившую по залу, когда Григорьев отнимает ладонь от раны, смотрит на нее и в ужасе опять зажимает рану рукой. При-

стально следует зритель взглядом за Бежаном, безотчетно надеясь на то, что удар не смертелен, ибо вот же — юноша встал и идет к ущелью, чтобы взглянуть на восходящее солнце. Зритель надеется до последней секунды, потому что мужественная и строгая игра актера сосредоточила его на осознании ценности человеческой жизни.

Есть актеры, которые щедро одаряют зрителя, заставляя его переживать большие и сильные чувства. Григорьев относится к их числу, у него несомненные признаки трагедийного таланта. Может быть, он сам еще не думает об этом. Он молод, очень щедро тратит силы, играя много и притом роли самого разного плана. В бытовой комедии, скажем, в «Амнистии» Н. Матуковского он играет хулигана, наглеца, преступника. Совершенно меняя тон, переходит он здесь к острой, памфлетной манере. Тому, кто увидит Константина Григорьева впервые в «Насмешливом моем счастье» Л. Малюгина, он может показаться характерным и рациональным актером. Здесь в роли Александра, брата Чехова, Григорьев без остатка подавляет собственный лиризм. Наверное, этого не надо было делать так резко. Невоплотив-

ший свою мечту о литературе, Александр Павлович Чехов страдал, когда смеялся над всем святым в жизни. Григорьев обнаружил этот губительный, горький смех, но погасил внутренний конфликт, снял боль души.

Однако, не соглашаясь с его трактовкой, мы отдаем должное убежденности актера в той внушающей силе, с которой он передает свой замысел залу. Мы замечаем, что его работы не повторяют одна другую, что достигается лишь большим сценическим опытом. Но это предположение не оправдывается. Его биография не совсем обычна: Григорьев вышел из стен студии при театре имени Ленсовета, где его учителем был Игорь Владимиров. Но, увлекающийся и ищущий, Григорьев поступил на завод, стал токарем, затем электросварщиком. Три года совсем не играл. И только пять лет назад пришел в театр имени Комиссаржевской.

— А знаете ли вы, что Григорьев пишет стихи и песни? — спросил в антракте мой сосед, хорошо знакомый с актером.

— Знаю, — ответила я, видя, что в программе к спектаклю «Влюбленный лев» написано: «Текст песен К. К. Григорьева».

— Но это не все: он автор песни «Осторожно, листо-

пад!», он написал и типично ленинградскую песенку «Дождь на Фонтанке и дождь на Неве», он же автор музыкальной комедии «Верка и чья паруса», он рисует, он...

Не слишком ли много для одного молодого человека? — скажет кто-нибудь. Ведь иной актер, одаренный столь разносторонне, становится поверхностным: концерты, эстрада отвлекают от трудно искусства создания целостных драматических образов... Но Григорьева в этом не упрекнешь. Он работает вдохновенно, как настоящий мастер.

Последние его роли — отлично сыгранный Лолл во «Влюбленном леве» Ш. Делани и Кампанелла в «Первой главе» Д. Аля. С цепями на руках, погруженный во мглу тюремной камеры, великий мыслитель Кампанелла, спроектировавший счастливым и свободный город, получает свет солнца только на несколько минут, когда оно доходит до уровня его оконца. И в эти минуты он пишет свою книгу. Какую силу чувства отдает актер этой сцене!

Думаю, еще немало неожиданного откроется в актере Константине Григорьеве. Ведь то, что он прошел в жизни до сих пор, — только начало пути.

Нина ВЕЛЕХОВА.